Дом Дурслей [декабрь 1986].

Чулан. Позже он узнал, что это была не комната для обуви.

Гарри не был уверен, сколько времени он там провел, так как время, казалось, текло незаметно, пока он так долго находился в темноте. Он пытался считать секунды, но они медленно сбивались и бросались в глаза, доводя его до грани безумия.

В конце концов кто-то пришел за ним. Вернее, резко вытащил его из тесного чулана. Она назвался тетей Петунией, и пронзительным, требовательным голосом она настояла на том, чтобы Гарри подмел пол, если он хочет получить хоть какую-то еду в этот день.

Глаза тёти Петунии задержались на мантии детского волшебника, которую он надел в тот день. Это была единственная вещь, которой он владел. Единственное напоминание о его семье и о том, что теперь стало его прошлым.

В порыве самодовольной мести тетя Петуния швырнула скомканную мантию в камин. Сжав губы она протянула ему несколько больших выброшенных вещей маглов, которые когда-то принадлежали его кузену. Всё это было отвратительно символично.

Ему едва удалось спасти маленькую книгу, которую он засунул в мантию.

И вот теперь, когда он стоял над раковиной на маленьком табурете и мыл грязные тарелки, оставшиеся после ужина, Гарри размышлял о том, во что превратилась его жизнь всего за пару месяцев.

С каждым днем гора обязанностей, которые он должен был выполнять, становилась все больше и больше. Это были омерзительно скучные задания, призванные лишь утомить его и перегрузить измученное тело. От этого его горькая обида на Дурслей только усиливалась.

Тетя Петуния, которая казалась скорее лошадью, чем женщиной, считала себя выше грубой дисциплины и физического насилия, чтобы обратить Гарри не иначе как в раба. В конце концов, он был ее родным племянником.

К сожалению, ее муж, Вернон Дурсли, похоже, не возражал против этого. Более того, крупный мужчина, казалось, получал огромное удовольствие, любуясь синевато-чёрными синяками, которые теперь украшали бледную кожу Гарри.

Его руки, облаченные в желтые резиновые перчатки, сердито чесались при одной мысли о том, что он будет мыть посуду.

Еще один Дурсли существовал только для того, чтобы сделать его жалкую жизнь еще хуже. Как будто такое вообще возможно. Гарри фыркнул.

Хотя звание "худшего Дурсли" в итоге досталось дяде Вернону, его сын Дадли занимал далеко не последнее место. Мальчик стремился причинить Гарри побольше неприятностей любыми способами. Разбивать посуду, тащить грязь в дом, специально выкорчёвывать драгоценные цветы тёти Петунии - всё это младший Дурсли делал, чтобы посеять хаос. И если его ежедневные действия приводили к новому пинку в живот Гарри, Дадли считал день удавшимся.

Гарри никогда не жаловался. Он знал, что это не имеет значения; он будет страдать независимо от пары разбитых ваз и треснувших чашек.

Звук ударившейся о стену двери насторожил Гарри, и он заметно напрягся, прижавшись к раковине. Его пальцы стиснули губку в руках.

"Где ты шнырял, сопляк?"

Гарри резко вдохнул, прислушиваясь к шагам, гулко стучащим по старым половицам. В коридоре раздался негромкий стук, и большая рука схватилась за дверную раму.

Вернон Дурсли был совершенно пьян.

Гарри крепче сжал мочалку, наблюдая, как мыльная пена лениво стекает в сток. Он стоял спиной к дверному проему, но за спиной слышалось тяжелое дыхание.

"Разве я не просил тебя вымыть полы до моего возвращения?" - спросил Вернон, в его голосе слышалось глубокое ворчание.

"Просил, дядя Вернон". Гарри скорчил гримасу и повернул голову. "Дважды".

Его слова прозвучали приглушенно.

Прохладная фарфоровая раковина уперлась ему в спину, и Гарри нерешительно снял комичные желтые перчатки. Он устало посмотрел на спотыкающегося Вернона Дурслей: "Не подходи ближе", - предупредил он.

Вернон фыркнул: "И что ты собираешься с этим делать?"

"Я же сказал тебе, - скрипнул зубами Гарри, - не подходи ближе". Его руки защитно вытянулись перед ним.

Старший Дурсли усмехнулся, в его остекленевших глазах появился неприятный блеск. Его мясистая рука поднялась и грубо шлепнула Гарри по голове. Вернон придвинулся ближе, спихнув мальчика с маленького табурета, на котором он стоял.

Локти Гарри ударились о прохладную плитку кухонного пола. Он отшатнулся назад, схватившись за горящую щеку. Дядя возвышался над ним со страдальческим выражением на лице.

Гарри медленно покачал головой и горько усмехнулся. "Тебе не следовало этого делать".

Вернон не потрудился ответить, его мысли были сосредоточены на том, чтобы подавить угрозу, поселившуюся в его доме.

Его грудь вздрогнула, и Гарри с какой-то непоколебимой решимостью прошептал: "Оцепенение". Он едва успел отскочить в сторону, как Вернон Дурсли с громким грохотом рухнул на пол.

Гарри почувствовал, как напряжение покидает его тело, и испытал облегчение - и лёгкий шок - от того, что его заклинание действительно сработало. Он прислонился к раковине на несколько долгих мгновений, пока не услышал звук шагов, торопливо спускающихся по лестнице.

Через несколько секунд Петуния Дурслей издала пронзительный вопль, когда её взгляд упал на мужа, лежащего без сознания на полу. Она бросилась вперед, совершенно не обращая внимания на племянника.

"Вернон!" - пискнула она, тряся его за плечи. Она повернулась к мальчику, который стоял рядом с неподвижным телом дяди с совершенно безразличным видом. "Ты убил его!" - обвинила она, указывая дрожащим пальцем на Гарри. "Ты хладнокровно убил его!"

http://tl.rulate.ru/book/105843/3768063